

Глава I

Улочка была узенькой. Простенький брошенный гараж, где когда-то работали механики, — вот и всё, что можно было там найти. Обставлен он был теперь очень скромно: там были ринг, гантели, штанга со скамейкой и мешок с песком, прицепленный на потолок. Зал от душевой отделял кусок брезента. Подъёмные гаражные двери были открыты, но всё равно внутри было жарко и душно.

Перед рингом лежала пара кошти: инвентарь, похожий по принципу работы на гантели, который помогает накачать руки. На вид — широкие деревянные дубины длиной шестьдесят сантиметров. Рукоять тоньше, но всё равно они обе весили по одиннадцать килограмм. По одной берут в руки и выставляют вверх над плечами. Сделали их в Пакистане, они прорабатывают предплечья, трицепсы и дельты. Их сначала опускают за спину, потом снова поднимают, вытянув перед собой. Даже для атлетов с уже сильными руками это очень непростое упражнение.

Летнее солнце снаружи заглянуло в зал. Крыша отбрасывала на землю глубокую тень.

Но жар внутри шёл не от солнца. Жар от тел тренирующихся там людей был намного сильнее, чем жар солнечных лучей.

Денёк был жаркий, где-то тридцать восемь градусов. Можно было вспотеть, стоя спокойно на месте. На плечах солнечные лучи чувствовались ничуть не приятнее, чем наждачная бумага. Бунсичи Тамба стоял на солнце, глядя в зал. На нём были джинсы да футболка. У его ног лежала спортивная сумка. Два пацана из средних классов, тоже снаружи, держали камеры, объективы направив на мужчин внутри. Они не входили, хотя ничто им не мешало: гаражная дверь стояла поднятой. Школьники шептали имена рестлеров, которых узнали, не опуская камер. На них стояли объективы, которые вряд ли могли бы позволить такие сопляки.

На ринге трое рестлеров упражнялись в борьбе. Один взял другого в захват и оттянул его кисть и локоть невероятно далеко за спину. Тот, которого схватили, бил свободной рукой в ответ. Рестлер разорвал захват и попытался сделать ещё один. В воздухе стоял отчётливый запах машинного масла.

— Хорошо, — пробасил кто-то из глубины зала.

Голос принадлежал крепкому приземистому мужчине, который казался коротышкой на фоне остальных. Все рестлеры, тренирующиеся на ринге и за его пределами, разом остановились. Со всех каплями стекал пот.

Почти все они носили футболки. Потёртые, старые. Незаметно они выдохнули с облегчением. Пусть уже рестлеры, все они были ещё молодые. У каждого лицо было в свежих синяках и ссадинах, и не видно было ни одного новичка в зале. Скорее, там только-только набралось достаточно желающих позаниматься. Тот низкий и коренастый, что только что подал голос, держал в руках бамбуковую палку.

— Кавабэ! — прошептали школьники рядом с Бунсичи и подняли свои камеры.

Кажется, так звали этого мужчину. Он бросил взгляд на Бунсичи, тот посмотрел в ответ, ничего не сказав. Кавабе прошёл пару шагов ему навстречу, будто бы заметив наконец, как он стоял там с безучастным видом.

— К нам хочешь? — низким голосом спросил мужчина.

— Нет, — ответил Бунсичи.

Заниматься в этом зале он не собирался. Ему не было дела до про-реслинга, он даже не знал, что у них бывают свои залы. Он просто шёл мимо, увидел, что кто-то тренируется, и остановился посмотреть. Он понятия не имел, что здесь занимаются про-рестлеры.

Рестлеры — мускулистые ребята, но Бунсичи думал, что их бои — это просто шоу. Он слышал, как рестлеры утверждали, будто в их боях ничего не обговаривается заранее. Бывают настоящие поединки, и мышцы у них вполне настоящие... что-то такое читал Бунсичи.

Но точно так же можно сказать про цирковых акробатов на канатах, у них тоже настоящие мышцы, и они серьёзно относятся к работе. Это такое хорошее представление, вот и всё. Бунсичи совсем не впечатляли рестлеры, скачущие от канатов на ринге. Нет, всякие бои, куда пускали всех подряд и разрешали драться с оружием, ему тоже были не слишком интересны; просто смотреть на этих здоровяков, изображавших какую-то драку, казалось ему глупостью. Теперь же Бунсичи увидел, как они тренируются, и сильно удивился. Впрочем, его мнение о про-реслинге в целом не изменилось.

Кавабэ пристально взглянул на Бунсичи. Он подошёл ещё ближе. Может, он и не дотягивал до Тамбы ростом, зато был пошире на уровне живота. Издалека можно было подумать, что он просто толстяк, но стоило присмотреться, и тут же становилось ясно, что всё это у него мускулатура. Казалось, плохо поставленный удар вообще её не пробьёт. Ткань натянутой поверх мышц футболки уже начинала растягиваться.

— А ты в отличной форме, — сказал Кавабэ.

Голос у него был надломленным, будто горло у него было раздавлено. На тёмно-зелёной футболке Бунсичи проступало пятно пота.

— Ещё чуть-чуть нажать на массу, и будет то, что надо.

— Я тоже так думаю.

Его рост был 190 сантиметров, а вес — 98 килограмм. Вот таким крупным был тогда Бунсичи.

Тело у него было уже под стать двадцатипятилетнему. Такое бывает только у тех, кто занимается спортом. Мышцы у него не выпирали. Бунсичи считал, что лишнюю мускулатуру набирать нет смысла.

— Чем-то занимаешься? — спросил Кавабэ.

— Карате, — ответил Бунсичи.

— А, понятно, — сказал Кавабэ скучающим тоном.

Весь интерес его к Бунсичи будто испарился. Кавабэ развернулся. Он ничего не сказал, но Бунсичи оскорбился.

— Подожди-ка, — сказал Бунсичи.

— Чего?

— Кто здесь самый сильный?

— Сильнейшего хочешь знать? — спросил Кавабэ и прищурился. — Тут все примерно на одном уровне, мы как раз определяли, кто лучший.

— А из остальных?

— Каких остальных?

— Эшелоном повыше.

— Все на областных соревнованиях.

— Сейчас?

— Да. Основной состав, несколько на разогревах, один на основной бой. Тут только разогрев или почти без опыта.

Все бойцы вокруг ринга уставились на Бунсичи; шёл их отдых. Они смотрели так, будто ждали, что что-нибудь вот-вот случится.

— Кто сильнее? — снова спросил Бунсичи.

— Сильнейший про-рестлер Токио — это наш босс, да, ребята? — спросил остальных Кавабэ.

Пара рестлеров усмехнулись. Кавабэ говорил о Великом Тацуми, их «боссе», выступавшем на основных боях. У рестлеров часто бывает один основной боец, то есть «босс», — козырь, который, если нужно, привлечёт основную публику. Назвав их босса сильнейшим, Кавабэ имел в виду ещё и то, что он любимец у публики. Но Бунсичи не совсем понял, что он хотел этим сказать. Тамба уже задумывался, а не был ли этот мужик слегка не в себе.

— Я хочу испытать лучшего, что у тебя найдётся, — сказал Бунсичи.

Его тон стал совсем другим. Бунсичи сам не думал, что он говорит. Кавабэ взглянул на него с выражением явного недовольствия.

— Ты бросаешь вызов нашему додзё?

— Бросаю.

— Не надо, тебе же будет хуже, — сказал Кавабэ и снова повернулся к нему спиной.

Молодые рестлеры замерли в видимом напряжении.

— К нам временами приходят такие вот, как ты, — сказал Кавабэ.

Бунсичи первый раз слышал, чтобы кто-то называл зал для рестлеров додзё, но если сюда приходят «бросить вызов додзё1», значит, его можно называть и так. Похоже, не он первый вызвал их на бой. У остальных рестлеров на лице написано было любопытство. На что он готов? Какие приёмы будет использовать? Примет ли Кавабэ его вызов? Кто будет его противником? Бунсичи прекрасно знал, что за мысли теперь роились у них в голове.

Осмотревшись, Бунсичи заметил, что рестлеры были довольно крупными, но ещё молодыми. Даже если кому-то тут ещё не исполнилось двадцати, у всех у них был твёрдый цепкий взгляд.

— Не попробуешь — не узнаешь, — сказал Бунсичи, упрямо сжав свои губы.

— Все так говорят, — возразил Кавабэ, почёсывая шею полным мизинцем левой руки.

— С таким-то рингом оно и ясно, какие тут приличные бои, — буркнул Тамба.

Выражение лица Кавабэ стремительно переменилось. Взглядом он словно попытался сжечь Бунсичи. Как будто всё его тело разом надулось. Он прищурился, наклонил голову и взглянул прямо на Бунсичи.

— Дальше ты не откажешься, — медленно и тихо проговорил Кавабэ. — Даже если встанешь на колени и будешь молить о пощаде.

Голос Кавабэ становился всё ниже и ниже с каждым словом.

— Отказываться я не собираюсь.

— И никаких претензий в мой адрес, если сломаешь руку.

— Их не будет.

— Если не сможешь доползти до дома сам, это твои проблемы.

— Идёт, — ответил Тамба.

Кавабэ наконец кивнул и посмотрел Бунсичи прямо в лицо.

— Тогда подпиши согласие.

— Что за согласие?

— Что ты отказываешься от любых претензий, если сломаешь руку, — сказал Кавабэ.

У него на лице было написано: «Убирайся, а то хуже будет». Бунсичи встретил его взгляд без тени колебания.

— Тогда и ты подписывай, — сказал Бунсичи.

— Я?

— Ты же принял мой вызов.

— Не-а, не я. От меня ты живым не ушёл бы.

— Так и думал.

— Да ну?

— Куда бы я не пришёл, кому бы не бросал вызов, везде ответ один.

Кавабэ ответил молчанием.

— Всегда вместо них выходит боец помоложе. Никогда никто не дерётся сам. Каждый раз одно и то же.

Кавабэ замолк на секунду. Его рот немного приоткрылся, когда он стал обдумывать ситуацию.

— Нет, не надо оно тебе.

— Ну и кто выйдет вместо тебя? Босс?

— Нет, не босс. Его сейчас нет, но кто-нибудь для тебя здесь точно найдётся, — сказал Кавабэ и посмотрел себе за спину, — дайте мне кто-нибудь бумагу и ручку.

Один из молодых парней принёс ручку и планшет. Кавабэ взял их и подошёл к рингу, положил на него планшет и стал писать.

— Иди сюда, — сказал он Бунсичи, когда закончил. — Со всем согласен?

Бунсичи взглянул на листок бумаги. Оформлено всё было очень просто.

В заглавии стояло «Согласие», а дальше было написано следующее: «Я согласен, что вне зависимости от того, что случится в этом поединке, мой противник не несёт за это никакой ответственности».

Под текстом были строки для дат и подписей. Иероглифы были выведены искусной рукой.

Один из парней-рестлеров принёс чернила для именной печати².

— Впиши имя и поставь свою печать, — сказал Кавабэ.

Бунсичи взял ручку и сделал, как просили. Он сомневался, что в суде такое примут во внимание; но даже если он проиграет, у него в мыслях не было жаловаться. И претензий от своего противника слышать он тоже не хотел. Бунсичи решил, что это соглашение ему только на руку.

Увидев, как они тренируются, он удивился их силе. Но он всё-таки думал, что победа останется за ним. Бунсичи тоже тренировался, и не меньше, чем четыре часа в сутки. Он думал, его тренировки были тяжелее. Ещё Тамба подумал, что он не дерётся для показухи. Он делал это по-настоящему. Он был уверен в себе. Не один раз он выходил против людей с ножами. И он не собирался сдерживать себя, — стоило расслабиться, и можно было остаться с переломом.

— С кем я буду драться? — спросил Бунсичи.

— Не знаю, кого мне выбрать. Будет понятней, когда увижу, что ты умеешь. А в целом на бой с тобой любой тут сгодится.

Все до последнего слова Кавабэ произнёс, не повысив голоса. На этой фразе кто-нибудь из прошлых бойцов уже точно бежал без оглядки домой.

— Пойди-ка пни вон тот мешок, — сказал Кавабэ.

— Хочешь посмотреть мой стиль?

— Нельзя узнать стиль по паре пинков по мешку с песком. Просто покажи удар, можно не в полную силу. Ты видел, как мы тренируемся, и ты думаешь, что лучше нас, да?

— Можно мне переодеться? В этой одежде как следует не повернёшься. Когда переоденусь, я покажу свой удар.

— Ладно, переоденься в душе, вон там.

Кавабэ подбородком показал в сторону душевой. Бунсичи кивнул, ничего не сказав. Взяв сумку, он направился в «душевую». Её состояние оставляло желать лучшего. Она была в углу зала. К балке наверху бечёвкой привязаны были брезентовые листы по правую и левую стороны.

Он слышал, как бежит вода.

Там кто-то мылся.

— Там занято, — сказал Бунсичи.

— Кто там? — позвал Кавабэ парня, который был в душе.

— Я, Кадзивара.

— А, вот кто.

Пока он говорил, звук текущей воды замолк. Шторка отъехала в сторону. Молодой человек, с которого каплями стекала вода, не торопясь вышел из душа. Бунсичи показалось, что перед ним была скала, изваянная из мускулов. Он смотрел на мужчину ещё крупней, чем был он сам. Глаза у него были маленькими, круглыми и привлекательными. Он был с Бунсичи в одних

годах, может, и младше; впрочем, не таким уж мачо. Кожа у него была немного дряблая.

Он был совсем голым, и кое-что между ног он ничем не прикрыл. На теле у него было мало волос, а ресницы его казались по-женски милыми.

Он опустил глаза чуть ниже, когда посмотрел на Бунсичи.

— Привет, — сказал он негромко, звук донёлся из глубины его рта.

Он повернулся и снял полотенце с гвоздя на одной из балок. Ноги у него были босые. Это была первая встреча Бунсичи Тамбы и Кадзивары Тосио.

Бунсичи опустил голову и молча вошёл в душ, не спуская глаз с Кадзивары. Из стены торчал кран. С него свешивался синий виниловый шланг. Он был прикреплен к стене, а на конце у него был как бы носик от лейки, — импровизированный душ. Бунсичи понял: у этого реслинг-клуба денег было в обрез. Ринг, на который смотрел теперь Тамба, по виду никак не дотягивал до размалёванных рингов, которые он видел по телику. Его построили в гараже. Душ тоже. В воздухе всё ещё стоял аромат машинного масла.

Он взглянул на душ. Им только что пользовался Кадзивара. С него всё ещё текло; он был самодельным. В этот самый момент от про-реслинга у Бунсичи первый раз побежали по телу странные мурашки. Бунсичи понятия не имел, что Про-Реслинг Восток-Запад был сформирован лишь год тому назад. Его президентом стал рестлер, которого звали Великим Тацуми, — близкий к мейнстримному реслингу, основатель Про-Реслинга Восток-Запад. Эта федерация не связывала себя ни с телевидением, ни с любым другим вещанием.

Даже Бунсичи знал о Великом Тацуми.

Он смутно помнил его бои, которые показывали по телевизору, но тогда ещё Тацуми был частью популярного реслинга. Тамбе стало интересно: пользовался ли Тацуми этим самым душем?

Бунсичи, никуда не торопясь, переоделся и вышел из душевой. На нём были одни спортивные штаны и спортивный бондаж под ними. Всё его тело бугрилось мускулами, но бодибилдингом он не занимался. Это были мускулы, выросшие в рукопашных схватках, для драк. Начни он гнаться за фактурой, и наверняка стал бы ещё крупнее, с красивым рельефом мышц, но такое тело не годится для поединков. Он потерял бы свои гибкость и ловкость.

Тело Бунсичи было создано для драк; но повсюду на нём видны были отметины от острых лезвий.

Бунсичи босиком подошёл к мешку. Бам. Он ударил его раскрытой ладонью.

— Можно? — спросил он.

Кавабэ кивнул. Глаза всех вокруг были прикованы к Бунсичи. Кадзивара с любопытством посмотрел в его сторону, понимая, что что-то должно теперь случиться. На нём были футболка и шорты. Бунсичи оценил расстояние до мешка с песком и сократил его в два раза. Он выставил левую ногу перед собой, напряг колени и кулак поставил на уровне подбородка. Тамба чуть пригнулся и поймал ритм движениями локтей и живота, — а потом вдруг оторвал правую ногу от земли.

Раздался глухой удар. Стопа его ноги была полностью выпрямлена и вошла глубоко в мешок ещё выше, чем была его голова.

Он медленно вернул ногу на место. Силы этого удара хватило бы, чтобы целиком оторвать маленькому ребёнку голову.

— Хм, — пробормотал Кавабэ себе под нос, — неплохой хай-кик.

Когда Кавабэ сказал «хай-кик», он явно имел в виду удар из кикбоксинга.

— Знаешь кикбоксинг?

— Кое-что в нём понимаю.

— Я пару раз вышел на ринг.

— Очень неплохо.

— Думал, я знаю одно карате?

— Пожалуй, думал.

Пока они говорили, Кавабэ присматривался к бойцам в зале. Кажется, он подыскивал для парня подходящего противника.

— Кадзивара, ты пойдёшь, — сказал он тому.

Все повернулись в его сторону. Кадзивара никак не реагировал, не понимая, в чём было дело.

— Будешь драться с этим парнем.

— Я?

— Он сказал, что хочет «поединок». Будешь его противником.

Кадзивара ничего не ответил, но наконец понял, что происходит, и понял, что Бунсичи бросил вызов додзё.

— Видел его удар? Если он забьёт тебя ногами до полусмерти, пеняй на себя, — сказал Кавабэ Кадзиваре.

— Хорошо, — сказал тот, поворачиваясь к Бунсичи.

Было в его голосе что-то, и в его глазах, узких и пронизывающих насквозь. Он наклонил голову, но исподлобья продолжал смотреть на Бунсичи, как гадюка. Его деревянные сандалии простучали по бетонному полу, когда он подошёл к рингу и проворно на него запрыгнул, оставив обувь рядом. На ринге он остался босиком, в шортах и футболке.

— Готов? — спросил Кавабэ.

— Готов, — ответил Кадзивара, и его глаза превратились в щёлочки.

— То, что нужно, правда? Ему двадцать четыре. Разница в возрасте у вас небольшая. Вступил к нам в двадцать и занимается уже четыре года, — сказал Кавабэ.

— В целом выходит десять лет, — сказал Кадзивара с ринга.

— До этого провёл кучу боёв, — добавил Кавабэ.

— Правила? — спросил Бунсичи.

— Ах, да. В пах не бить, глаза не выдавливать. В общем всё, — сказал Кавабэ будничным тоном.

— У канатов и за пределами ринга бой не останавливаем, — сказал Тамба.

— В отключке оппонента не бить. Просто продолжай бой, пока противник шевелится или сам не выдохнешься.

— Что там с согласием?

— Напишу для него тоже.

— Пиши как следует. Чтобы не было жалоб, когда я выиграю, — сказал Бунсичии и умолк, запрыгивая на ринг.

Канат завибрировал. Он вышел на центр ринга и посмотрел Кадзиваре в лицо. Глаза у того смотрели по-змеиному, исподлобья. Когда их взгляды встретились, мурашки пробежали вверх по спине Бунсичи, и он не знал, перед боем ли, или дело было в чём-то ещё. Его тело пылало, как раскалённый металл.

Примечания

1. В японском для этого сочетания слов есть отдельное слово, — нельзя сказать «вызов» и не сказать «додзё».

2. Печати митомэин и других видов используют в Японии вместо принятых на Западе подписей.

Глава II

Кадзивара казался ниже, чем тогда, в душевой. Бунсичи тут же понял: там он был в деревянных сандалиях. Но не теперь. Обувь сделала его чуть выше, но Бунсичи всё равно был ещё выше. Рост Кадзивары был где-то 185-186 сантиметров. Он был полнее Тамбы. На животе у него были небольшие складки. Казалось, он был не слишком мускулист. Ноги и руки его казались тонкими по сравнению с торсом. На голове у него был такой короткий «ёжик», что его можно было считать лысым.

Гонг ещё не прозвенел. Они просто стояли друг напротив друга посреди ринга. Лоб Кадзивары прочертили широкие длинные линии. Вокруг них кожа у него была особенной. Как мандарин в самый разгар лета, она вся была испещрена впадинками. Бунсичи задумался, а есть ли что-нибудь у него в голове.

Кое-кто из каратистов может лбом разбивать черепицу. Двадцать штук одним ударом.

В Тайване некоторые люди умели забивать головой гвозди. Если его укрепить, лоб — вполне действенное оружие. А ещё... Бунсичи продолжал поглощать Кадзивару глазами. Он посмотрел на его уши и нос. Они были расплющены. Нос у него был свёрнут набок, хрящ там — полностью изломан и похож был на мясо под кожей. Если постучать по нему пальцем, наощупь он будет как желе. Уши у него были как смятая бумага. По ним наверняка врезали не раз и не два.

Про боксёра в таком случае можно было бы сказать, что у него так себе с обороной, но теперь речь шла о рестлере. Они сами выбирают, как проводить бои. Похоже, Кадзивара совсем не знал ни карате, ни кикбоксинг. Опасен он был своими борцовскими техниками.

Они есть и в карате и в дзюдо, но с борьбой в про-реслинге Бунсичи был незнаком. Скорее всего, в этом стиле как-то по-своему берут в захват и проводят болевые. Ещё Бунсичи решил, что в про-реслинге борьбы может быть даже больше, чем в таких боевых искусствах, как дзюдо; но чтобы взять Бунсичи в захват, сначала нужно было его схватить. Нельзя провести никакие захваты, если простаивать без конца в обороне. Чтобы взять Бунсичи в захват, нужно было быть готовым выдержать любые удары, хоть руками, хоть ногами.

Шансы на победу были примерно равны. У Кадзивары будет преимущество, если он его схватит. Пока он этого не сделал, оно останется у Бунсичи. Он не притворился намеренно, но тот пинок по мешку для Бунсичи был ещё не самым сильным.

Если бы он захотел, его нога могла бы оказаться в точке выше и за меньшее время. Он показал удар из кикбоксинга, но то был ещё не удар из муай-тай.

Бунсичи чётко разделял и карате, и кикбоксинг, и муай-тай. Они похожи, но есть и небольшие отличия. Для бунсичи кикбоксинг располагался где-то между карате и тайским традиционным боевым искусством муай-тай. Муай-тай ещё называют тайским боксом, и многие считают, что это в общем-то то же самое, что и кикбоксинг, но на самом деле это разные виды боевых искусств.

Муай-тай — это бокс с ударами ногами. Как, например, у борьбы сумо из Японии, у этого стиля долгая история; однако развивался он именно в сторону настоящих боёв. Никто не назовёт борцов сумо про-рестлерами, так же странно считать муай-тай тайским боксом. Некоторые особенности характерны именно для муай-тай. Удары ногами там идут от взрывной силы внутренней стороны бедра.

Когда Кавабэ сказал, что у Бунсичи поставлен удар ногой, он больше имел в виду удары карате, чем муай-тай. Его нога прошла по широкой дуге. Удар из муай-тай шёл бы от колена по прямой вверх, и именно такими Бунсичи собирался воспользоваться на ринге.

Кадзивара вжал шею, коснувшись подбородком груди, и встал, как столб, прямо. Он наклонил лицо так, что его расчерченный шрамами лоб смотрел теперь на Бунсичи. Его тёплый взгляд стал пристальным взором похожих на щёлочки, смотревших исподлобья глаз. Они словно принадлежали теперь другому человеку. Пронзительные и ещё более устрашающие, глаза, похожие на двух змей, вот-вот готовых выползти на свет.

Наконец прозвенел гонг. Ни тот, ни другой не сдвинулись с места. Они вперили взгляд друг в друга. Оба были пока слишком далеко друг от друга, чтобы первыми броситься в бой. Сделав шаг вперёд и пошире ударив ногой, они могли бы полностью покрыть эту дистанцию, но враг в это время мог бы успеть увернуться. Прошли примерно десять секунд. Кадзивара провёл правой рукой по лбу. На его губах была дерзкая усмешка — небольшой изгиб в правом уголке его рта.

Он стал медленно двигаться влево. Бунсичи тоже начал шагать вправо, подняв руки на уровень лба и слегка сжав пальцы. Его ноги взяли боевой ритм. Кадзивара держал правую руку

тыльной стороной слева от своего подбородка. Он сделал джеб правой рукой перед собой, слегка сжимая пальцы. Бунсичи чуть сильнее сжал кулаки. Кадзивара немного расслабил пальцы.

Бунсичи вдруг двинулся в противоположном направлении. Его правая нога оторвалась от покрытия ринга. Удар муай-тай, он шёл от колена. Его ступня в районе большого пальца вошла в живот Кадзивары. Тот с готовностью принял удар. Прекрасная реакция.

Кадзивара расслабил тело, подался вперёд и чуть согнулся в животе. Когда Бунсичи возвращал свою ногу назад, он почувствовал что-то странное. Он будто ударил не человека, а пресмыкающееся. Будто пнул стену, обёрнутую резиной. Не такой уж и твёрдый предмет, но удивительно мощный и как бы состоявший из нескольких слоёв. Нет, это не просто тренированные мышцы. Он бы ещё сильнее почувствовал удар о твёрдый предмет. Но Бунсичи пнул ногой что-то совсем другое. Он не встречал ещё такие мышцы. Вернув ногу на место, он сблизился с Кадзиварой. Тот отшатнулся, прикрывая голову руками.

Удары посыпались на него сверху.

«Вырубить его прямо сейчас, — подумал Бунсичи. — Возможно, этой мой единственный шанс против Кадзивары». Ни один его удар не попал Кадзиваре точно в голову. У него была очень крепкая оборона. Бунсичи затрясся от страха, продолжая сыпать ударами. Он понял, что Кадзивара уже вернулся в норму после прошлого удара ногой; прошло каких-то секунды три.

Впрочем, даже в глухой обороне он получал удар за ударом. Он должен был чувствовать удары в голову. Бунсичи ощущал что-то странное от Кадзивары, идущее у него изнутри. Голова Кадзивары вдруг нырнула вниз.

По спине у Бунсичи пронёсся электрический разряд. Он машинально отвёл тело назад и ударил Кадзивару локтем по голове. Кадзивара бросился на Бунсичи, его рука прошла рядом с ним.

Из-за локтя, нацелившегося в его голову, Кадзивара явно не смог бы взять Бунсичи в захват, но всё равно, врезавшись в него, он мог заставить Бунсичи подлететь, и удар стал бы слабее примерно вполовину.

Но... Удар ногой был таким сильным, что любой человек без хорошо нетренированного пресса остался бы с повреждениями внутренних органов; и даже своим ударом вполсилы Бунсичи мог оставить человека с сотрясением. Вот так он продолжал бой, получив удар в живот и удар в затылок. Вот она, сама суть про-реслинга.

Бунсичи издал утробный рык. Он дрался всего-то навсего с начинающим про-рестлером. Бунсичи и Кадзивара вновь оказались на ринге лицом к лицу. Красная полоса осталась справа под носом у Кадзивары. Кровь. Она капала на его губы. Он слизал кровь; на его лице проступила зловещая улыбка.

— Ты как-то побледнел, — сказал Кавабэ, стоя снаружи ринга.

Бунсичи его не слышал.

По телу его начал расползаться страх.

Глава III

На лице Кадзивары не осталось живого места.

Всё у него на лбу, на щеках и вокруг глаз распухло, да и в целом он на себя был не похож. Кадзивара уже несколько раз получил от Бунсичи кулаком и ногой. Много раз он был сбит с ног, но каждый раз он снова поднимался. Бунсичи мог бить его в партере, но риск того не стоил. Кадзивара поймает его на ударе и проведёт удушающий приём, пережав ему сонную артерию. Не ему, а Бунсичи была невыгодна такая позиция.

Он повалил Кадзивару. Тот снова встал на ноги. Бунсичи опять выбил землю у него из-под ног, и снова он встал. Та улыбка всё никак не сходила с его лица. Кадзивару будто забавляли удары ногами от Бунсичи. Но то были совсем не удары любительского уровня, нет, настоящие, с профессионального ринга. Такие удары Кадзивара блокировал неважно и всё равно выкладывался как мог. Это был какой-то кошмар. Не на него одного сыпались шишки. Левая кисть, левый локоть и правое плечо у Бунсичи пульсировали обжигающей болью.

Снова рухнув на мат, Кадзивара тут же перекатился на ноги и вскочил с поразительной скоростью. Он подмял Бунсичи под себя, навалившись сбоку. Борцовский захват. Бунсичи попробовал вырваться. Не получилось.

Кадзивара прижал левую кисть Бунсичи к мату, а его левое плечо оторвал от покрытия, словно обращая силу его движений против него.

Бунсичи понятия не имел, что он сделал. Он даже не понял, как Кадзивара успел схватить его за кисть. Он понял, что его рука складывалась вдвое. Было больно. Бунсичи ещё не встречался с техникой заламывания руки на болевой. Бунсичи начал рычать от боли. «Он сломал мне кость!» — думал Бунсичи про себя. Он вскрикнул. Сдавливающая его руку сила тут же ослабла. Бунсичи отполз в сторону, левая рука висела у него плетью. Он присел и взглянул на Кадзивару со всё ещё залитым кровью лицом. Его змеиные глаза испарились, и теперь в его взгляде читалось беспокойство.

Бунсичи пнул его в лицо — от страха. Кадзивара упал на обе руки. Дальше на него посыпались удары один за другим. Бунсичи хотелось кричать. «Не вставай», — думал он про себя. Кадзивара удивился его трясущимся рукам. Перекатившись на мате, он выбрался с ринга. Кавабэ обернул вокруг него большое полотенце.

— Ну-ну, рано сдаваться, — сказал Кавабэ.

В это сложно было поверить. Кадзивара, завёрнутый в полотенце, смотрел снизу вверх на Бунсичи. Его футболка и шорты были измазаны кровью. Кадзивара вытер руки полотенцем и снова поднялся на ринг.

У него снова были те глаза гадюки. Он сплюнул. На синем покрытии остался красный след. На красном было видно белое: обломки зубов Кадзивары. Он взялся за канаты и запрыгнул обратно. На рингах у про-рестлеров по три каната, не четыре, как у боксёров. Они на удивление упругие, просто тросы, обёрнутые резиной. Кадзивара встал, облокотившись спиной о канаты. Он чуть слышно усмехнулся. Спереди у него не хватало зуба. И вот кошмар Бунсичи продолжался.

Он почти не пользовался левой рукой. Следующий раз Кадзивара повалил Бунсичи, выдержав его пинок в живот. Он обернул руку вокруг ударившей его ноги. Потом он взял Бунсичи за лодыжку и бросил его на мат. Когда тот уже лежал, Кадзивара держал его ногу правой, а не левой рукой. В этой позиции Кадзивара просунул ногу Бунсичи между двумя руками.

Он начал изгибать левую руку. Звук донёлся от лодыжки Бунсичи. Этот странный звук принёс ему психологическую боль. Нет, нет, этого не может быть. Как будто кто-то врезал железной трубой по его ногам.

Бунсичи услышал, как его глотка издала какой-то звук. Это был не выдох, скорее вдох. Ему не хватало воздуха в лёгких. Его скрутили, а воздух со звуком вырывался из его рта. Кадзивара взял в захват его ахиллово сухожилие. Бунсичи стиснул зубы. Свободной правой ногой он попытался пнуть Кадзивару в лицо. Тот легко отмахнулся от удара. Бунсичи перекатился на ту же сторону, которая была вывернута.

Перевернувшись, он уткнулся лицом в пол. В таком положении он не мог пошевелиться. Кадзивара теперь взял Бунсичи в другой захват. Он согнул его колени и прижал лодыжки друг к другу, — левая зажата в сгибе правого колена. Бунсичи чувствовал правую ногу Кадзивары у себя между бёдрами. Под правой ногой Кадзивары была его правая лодыжка.

— Ломай, — слышался чей-то голос.

Бунсичи его не знал. Он приподнялся на локтях. Что-то стало капать на мат. Его пот. Повсюду были тёмно-красные следы: засохшая кровь. Она не впиталась в маты, а так на них и осталась. Он поднял голову. Перед его глазами мир купался в солнечных лучах. Прямо перед ним. Те двое школьников теперь стояли сзади со своими камерами.

— Индийский Смертельный Замок1! — выпалил один.

Бунсичи слышал их, но не мог разобрать всех слов.

— Нет, это верхний обратный, — сказал второй школьник, — его придумали где-то в Индии.

— Да нет же.

— ...думаешь?

Кажется, они говорили о захвате, в который его взяли.

Бунсичи скрипнул зубами. Глазами он сверлил воздух перед собой. Вдруг что-то обвилось вокруг его подбородка и задрало его голову вверх. Ему показалось, что сейчас он издаст какой-то звук, но ничего не получилось. Шея и спина у него будто бы трещали, и звук спускался всё ниже и ниже. Бунсичи понял, что его подбородок держит рука Кадзивары, но понятия не имел, зачем она там.

Оставив левое плечо на мате, правой рукой он попытался стряхнуть руку Кадзивары. Тогда он почувствовал, как что-то ещё надавливает ему на шею, выворачивая её. У Бунсичи на голове надулись вены. Он попробовал развернуть шею в другую сторону, но тщетно. Тогда он увидел его: лицо Кадзивары нависло над ним справа и глядело прямо на него. Его голова — вернее щека — лежала на мате, свой вес он перенёс назад и немного в сторону, опираясь на носки и лоб, всем телом оторвавшись от мата и прогнувшись в спине.

Лодыжка Бунсичи так и осталась на месте. Шея Кадзивары теперь была беззащитна. Бунсичи слышал у себя над ухом тяжёлое сопение Кадзивары. Он задрал правую руку и опустил её на шею Кадзивары ребром. Удар был достаточно слабым, потому что он шёл только от локтя, но, кажется, этого было достаточно. «Мостик» Кадзивары оказался разрушен. Подбородок Бунсичи освободился. Он отдернул лодыжку и на локтях отполз в сторону, а потом вырвал из захвата и вторую лодыжку. Левая рука смогла освободиться одним движением тыльной стороны кисти. Расцарапав мат локтями, он целиком выбрался из захвата.

На ладонях Бунсичи стал подниматься с земли. В его лодыжках не осталось сил. На его глазах Кадзивара поднялся и взялся за горло. Он встал на колени и кинулся на Бунсичи. Тот понял: этого человека нужно остановить. С колен он вскочил, локтем замахнувшись на Кадзивару. Вся массу своего тела вложив в этот локоть, Бунсичи ударил Кадзивару в нос. Его голова очень жалко отлетела назад. Локоть Бунсичи, проехав по лицу Кадзивары, упал на пол. Когда тот оторвал от мата руку, под ней остались красные следы.

На том же локте, на котором он поднимался с земли, Бунсичи теперь ушёл в сторону.

Тем ударом он рассёк себе кожу на локте. Покрытый матами пол был как наждачная бумага. Казалось, его установили как раз для спаррингов, но под ним лежали стальные балки. На них были деревянные доски, на которых лежали покрытые брезентом маты. С виду весь пол был одинаково мягким, но нельзя было не почувствовать разницу между падением на балки и туда, где их не было. Видимо, Бунсичи ударился локтем о балку. В любом случае он рассёк себе кожу. Не содрать там кожу человеку неподготовленному было бы трудно.

Кадзивара попробовал встать. Он поднялся на колени, а Бунсичи опять врезал ему локтем. Он попал в лоб. Чувствовалось это всё равно как удар в кирпичную стенку. Кадзивара опять опустился на колени. Его лицо заливала кровь, но улыбка так и не сходила с него.

Бунсичи, как сумасшедший, колотил Кадзивару обоими локтями, — всё равно, что бить стену, обёрнутую резиной. Он был крепче, чем Бунсичи мог себе представить. Просвистев в воздухе, локти стоявшего на коленях Бунсичи врезались в лицо Кадзивары. Вдруг что-то огрело Бунсичи по голове. Он получил чудовищный удар. Раздался звук «хрясь». Бунсичи не понял, откуда он. Это треснула его носовая перегородка

То был удар головой. Боль, словно его пронзали иглами, пошла снизу вверх по его носу. Бунсичи едва успел заблокировать локтями ещё один такой же удар. Из носа в глотку ему заструилась тёплая жидкость. Даже с закрытым ртом её едва ли стало бы меньше. Он сплюнул и забрызгал кровью все руки, которыми ставил блок.

Бунсичи попытался встать. Пока он поднимался на левое колено, его схватили за правое запястье и с силой дёрнули. Боль была ослепительной. Не сопротивляясь, он позволил поднять себя на ноги. Бунсичи ударил правой ногой. Попасть бы хоть куда-нибудь. Нужно было заставить Кадзивару отпустить его запястье. Оно уже готово было сломаться.

Коленом он ударил Кадзивару в живот, но тот не выпустил его руки. Он потянул Бунсичи за запястье и упал назад, Бунсичи — на него. Кадзивара перевернулся и лёг лицом вниз, а запястье Бунсичи прижал к своему животу. Тот опять упёрся коленями в мат, стараясь освободиться. Кадзивара просунул ногу между его ногами. Он попробовал перевернуть Бунсичи на бок. Тот ударил его локтем по затылку, потом ещё раз и ещё.

Кадзивара выпустил запястье Бунсичи, тот встал на четвереньки. Что-то страшно болело в его левой лодыжке. Он пнул правой ногой и упал на живот.

Перед ним был Кадзивара. Бунсичи смотрел сквозь узкие полоски крови. Кадзивара встал. На его лицо страшно было смотреть, на лицо Бунсичи — тоже. Кадзивара по-прежнему недобро ухмылялся. Бунсичи гадал, продолжат ли они бой. Этот бой. Он понятия не имел, сколько минут прошло от начала. Казалось, больше часа, — всё нервное напряжение не прошло для него бесследно.

Он не думал, что молодой про-рестлер продержится так долго. Бунсичи не мог понять, из чего он только сделан. Он попытался настроиться. «Этот парень какой-то особенный? Может, все про-рестлеры такие же непробиваемые. Может, я просто слабак». Ему хотелось присесть, но сесть было негде. Он изо всех сил пытался сосредоточиться. Бунсичи изобразил улыбку на лице; он хотел взглянуть в зеркало, чтобы узнать, правда ли он улыбается, но скоро эта мысль вылетела у него из головы.

— Тринадцать минут... — раздался сбоку голос Кавабэ.

Он сказал это так, словно был очень впечатлён.

— Ну, вот теперь-то начнётся.

Бунсичи хотел что-то сказать Кавабэ, но не смог проронить ни слова. Потому что Кадзивара встал напротив и бросился на него.

Примечания

1. Болевой приём, известный в реслинге, но, как и схожий болевой «четвёрка», применяется в других смешанных единоборствах. Боец берёт в захват ногу противника, затем фиксирует за его коленом вторую ногу и надавливает.

Глава IV

«Почему?» — думал Бунсичи. — «Почему Кадзивара не сломал мне руку». Не только руку. Плечо, запястье, лодыжку. Он мог выломать эти суставы несколько раз, но просто брал передышку. Стоило бы ему приложить чуть больше силы, и битва была бы решена. У них был уговор: на законных основаниях или нет, они решили, что никто не станет требовать компенсаций. Даже если бы не было той бумаги, Бунсичи всё равно не думал обращаться ни с какими жалобами.

Но каждый раз, когда Кадзивара брал его в захват, он его отпускал. Бунсичи собирался признать поражение, только когда ему сломают руку или ногу. Поэтому он и не колотил по мату, когда из него выбили воздух. Кадзивара выпустил Бунсичи из захвата за секунды до того, как сломал бы ему ногу. Бунсичи не знал, почему. Кадзивара будто бы не мог заставить себя сломать кому-то ногу. Бунсичи решил, что он пытался заставить его сдаться самого. Бунсичи уже почти хотел, чтобы ему сломали руку. Так боль длилась бы только миг.

Он не знал, сколько боли ему ещё предстоит вынести. Кадзивара был упрям.

Он хватался только за суставы. Никаких ударов ногами в прыжке или отскоков от канатов, как на ТВ, Бунсичи не видел. Он выходил на болевые, словно всё остальное было ему неинтересно. Каждый раз, когда он хватался за сустав, его глаза превращались в змеиные щёлочки. Ухмылочка всё не сходила с его лица. Это было похоже на кошмар наяву. Бунсичи хотел, чтобы поединок закончился. Скажи он: «Я сдаюсь!», бой мог бы закончиться мгновенно. Но он совсем не был уверен, что после этого его спокойно отпустят домой. Он набил себе цену. Кавабэ теперь мог запрыгнуть на ринг и сломать ему руку вместо Кадзивары.

Даже если всё обойдётся, на нём уже живого места не было.

Но он не мог заставить себя признать поражение. Только это и заставляло его продолжать бой. «Почему же Кадзивара не ломает мне руку?» — думал Бунсичи.

В любом случае, пока это не случится, схватка продолжится. И даже если её сломают, он всё

равно должен ещё сдаться. Если он не признает поражение, его, наверно, просто вышвырнут.

Бунсичи лишь силой воли заставлял себя драться дальше. Обе его руки вышли из строя и отзывались ужасной болью на каждое движение. Бунсичи боролся с этой болью и спрашивал себя, не пригодятся ли ему какие-нибудь удары карате. Его противник, наверно, был слишком крепок, чтобы их почувствовать.

Бунсичи старался прикинуть, сколько хороших ударов ногами сможет нанести. Хотя, может быть, он уже не смог бы сделать ни одного. Обе ноги могли ударить с примерно одинаковой силой, и левая нога заболит ещё сильнее.

Всё, что у него осталось теперь, — физическая сила. Её источник был уже подорван. Он слышал, как тяжело дышит Кадзивара. Теперь он может положиться только на контрудары, которые используют силу врага против него самого.

Кадзивара вовсе не был цел и невредим. Он выглядел примерно так же, как и Бунсичи.

Бунсичи переместился правее и приготовил кулаки. Ритмичными его движения назвать было трудно. Его кулаки будто принадлежали не ему. Они были тяжелы, как свинцом налитые. Его руки уже не могли держать ровно его кулаки. Кадзивара двинулся наперехват. Перекрестив ноги, он пригнулся в защитной стойке. Кадзивара сделал шаг. Это был шанс Бунсичи. Он подманил его, скрестив ноги. Левая нога отозвалась страшной болью, когда он ударил правой ногой на самом близком возможном расстоянии. В эту ногу он вложил все оставшиеся силы. Она вошла в живот Кадзивары. Бунсичи показалось, что он пробил дыру в стене, обёрнутой резиной. Его нога словно по голень ушла в живот Кадзивары. Победа. Или так ему показалось.

Что-то поднималось вверх по его спине. Это мог бы быть клич радости. Но нельзя было расслабляться. Вслед за первым ударом он врезал коленом по лицу Кадзивары. Руки у того ответили молниеносно. Кадзивара обвил ногу Бунсичи руками. Тот почувствовал у своего колена что-то еле тёплое. Прикосновение скользкой потной икры Кадзивары. Он выкрутил колено Бунсичи. Тут Кадзивару стошнило. В его рвоте примешивалась кровь. В нос Бунсичи ударил кислый запах. Он вмазал локтями с руками вместе по затылку Кадзивары, не разбирая, куда бьёт. Последние остатки его сил ушли на эти удары. Удар. Удар. Удар. Удар. И ещё удар. Лоб Кадзивары соскользнул с левого колена Бунсичи. Улыбка пропала с его лица. Победа? Бунсичи уже готовился выдохнуть. И стоило по его телу разлиться облегчению, как это и произошло.

Тело Кадзивары по-змеиному изогнулось. Он пропал из виду, а потом вдруг оказался позади Бунсичи. Тот обомлел. Откуда в нём ещё столько энергии? Бунсичи почувствовал, как его тело приподнимается, и страх наполнил его, когда он понял, что поднялся в воздух.

Кадзивара двумя руками обхватил Бунсичи поперёк торса. На секунду тот почувствовал себя невесомым. Потом он упал назад на мат, головой вперёд. Он почувствовал скорость, с которой летел. Бунсичи прочертил правильную дугу и врезался в мат затылком. Пол и потолок поменялись местами. Приём был завершён.

Тяжесть вернулась. Тело Бунсичи не могло пойти против законов гравитации. Немецкий бросок прогибом¹. Вот какой приём применил сейчас Кадзивара к Бунсичи. Тот даже не успел заикнуться о том, кто победил. Здесь не было победы по очкам. В какой-то момент он сел, потерявшись в пространстве. Левая рука Кадзивары лежала на левом плече Бунсичи сзади, а его правая рука сзади обвила лицо Бунсичи. Он словно собирался оторвать ему голову.

Левая рука у Бунсичи была заломлена за спину. Сопротивляться у него уже не осталось сил. Его шея и плечо болели так, как никогда раньше. Боль вернула его в строй. Какой-то звук сорвался с его губ. Из-за давления на его шею он был похож на смертный вскрик какого-то животного.

— Не смей отпустить! — кричал Кавабэ.

— Кадзивара.

«Кадзивара», — это имя отзывалось пронизывающей, словно острая игла, болью в его раскалывающейся голове.

«Я умру?» — думал Бунсичи. У него не осталось ни капли сил. Что-то захрустело у него в плече. И вот это случилось. По телу Кадзивары пробежала дрожь. Сила, пленившая его, исчезла.

Бунсичи плашмя повалился на мат. Он знал, что уже не может сдвинуться с места. Он знал, что проиграл. Бунсичи закрыл глаза.

Стоило ему осознать своё поражение, на глаза ему навернулись слёзы. Суставы в его плече и вокруг были в ужасном состоянии. Несколько человек забрались на ринг, и Бунсичи почувствовал прикосновения к своей спине. Его подняли на ноги. Ничего не соображая, он поискал глазами Кадзивару.

— Кретин! — раздался голос позади.

Это был Кавабэ. Его голос был пронзительным и резким. Раздался звук удара плоти о плоть. Повернув шею, Бунсичи оглянулся. Кавабэ бил, по-настоящему избивал Кадзивару. Тот стоял и принимал удар за ударом.

— Простите, — говорил Кадзивара, пока в лицо ему летел кулак Кавабэ.

В это трудно было поверить.

— Почему?! — спрашивал Кавабэ с закипающей злостью в голосе; он был в ярости. — Почему ты не сломал ему ни плечо, ни руку?

Кавабэ снова ударил Кадзивару. Гнев захлестнул его. Кавабэ спрашивал Кадзивару, кто победил, почему он не сломал Бунсичи руку. Потом опять ударил Кадзивару. Казалось, они оба позабыли о том, что Бунсичи всё ещё здесь. Его слёзы высохли быстро, стоило ему их увидеть. Бунсичи чувствовал унижение. Непроглядный чёрный огонь внутри. Он чувствовал, как в нём зреет ненависть к Кадзиваре, который и смотреть на него не думал. К горлу у Бунсичи подступала горькая обида.

Вот что случилось одним жарким летом шесть лет тому назад.

Примечания

1. Бросок с обхватом оппонента сзади поперёк талии. Создание приписано Карлу Готчу, выступавшему в Америке и Германии рестлеру, который оказал громадное влияние на становление реслинга в Японии.

Глава V

— Ты чего замолчал? — спросил Рёдзи.

Бунсичи притих, пока они смотрели прямую трансляцию матча по про-реслингу. Чашка из-под сакэ в его ладони треснула. Содержимое заструилось между его пальцами, по руке и осталось лужицей на барной стойке. У него намokли локти, до которых он закатал рукава.

— В Америке он потерял свой титул, — сказал американский диктор.

— Верно, — сказал комментатор, Кавабэ, и назвал титул и город, где он был присвоен.

— Значит, они встретятся сегодня? Он будет защищать титул перед бывшим чемпионом...

— Именно так. Если у него получится, то в Америку он сможет вернуться с поясом.

Изображение на экране изменилось. Шла церемония открытия перед главным событием вечера. Диктор объявлял титул. И диктор, и комментатор разговаривали за кадром. Ненадолго экран поменялся. На нём появился мужчина, вскинувший кулак высоко вверх, обернув пояс вокруг талии.

Его подбородок был поднят высоко, и он сверху вниз смотрел на толпу людей. Это был Кадзивара. У него на лице было то самое змеиное выражение. Кажется, за эти шесть лет он изменился, стал уже другим человеком. В этом году ему исполнялось тридцать. Изображение вернулось на предыдущее. Бунсичи уже не видел и не слышал ничего, что показывали по телевизору. Он одним глотком допил остатки сакэ, не спуская глаз с экрана. К нему вернулась давно забытая боль в шее и плечах.

Удушающий-Куриное Крыло. Шесть лет тому назад Кадзивара провёл этот приём на Бунсичи. А тот — на Идзуми Соичиро.

— Надо идти, — чуть слышно сказал Бунсичи и встал.

Он достал из-под стола куртку и взял с пола свою сумку. Вынув из кармана деньги, он оставил их на стойке.

— Мужик, — сказал ему Рёдзи, — хоть сдачу возьми.

Бунсичи уже был за дверью. Он натянул на себя куртку и зашагал по улице. Холодный ветер обдувал его крупный стан. Он был больше, чем шесть лет назад. Он не вырос, но набрал массу. Теперь он весил уже больше ста килограмм. Его грудь была большой, как колесо.

Он очень выделялся шириной своих плеч. Ночной воздух вокруг него наполняла какая-то особенная энергия. Он слышал позади чужие шаги. Рёдзи следовал за Бунсичи хвостом.

— Чувак, как ты мог вот так взять и уйти без меня, — сказал Рёдзи.

Он шёл рядом с Бунсичи. «Примерно столько же мне тогда и было», — подумал Бунсичи. В том же возрасте он встретил парня по имени Сайто.

— О чем задумался? — спросил Рёдзи.

Ему было скучно.

— Об одном знакомом, — ответил Бунсичи.

— Что за знакомый?

— Мне было, наверное, столько же, сколько и тебе, когда я его встретил. Я был таким же паршивцем.

— Да ну?

— Я всё время лез в драку, постоянно. Не проиграл ни одного боя один на один. Мне всё казалось, что если я буду сильным, то добьюсь успеха. Стоило мне услышать, что есть кто-то сильнее меня, я тут же пытался ввязаться с ним в драку.

Рёдзи слушал молча.

— Одним из моих противников оказался Сайто.

— И как, ты победил?

— Проиграл. Он меня отметелил, еле ноги унёс. А он был поменьше меня. Занимался карате.

Рёдзи слушал дальше.

— Так вот, я проиграл, но это меня раззадорило. Я стал его учеником. Стал ходить в его собственное додзё.

— Так что ты думаешь о нём, об этом парне?

Бунсичи замолчал, услышав вопрос Рёдзи. Сунув руки в карманы, он прошёл ещё несколько шагов.

— Он мёртв.

— Мёртв?

— Да. Подрался с бандитом и получил нож в горло.

Бунсичи вдруг вспомнил ту ночь. Когда Такимото повернулся к нему с ножом в руке. Когда он обмочился и бросился бежать. Он хотел смыться. Даже теперь он был в этом уверен. Он не знал, от чего бежал. Его мышцы тогда заскрипели, будто что-то вырывалось из них наружу. Вот от чего он пытался сбежать.

Такимото просто попался ему на пути, и он кинулся прямо на него. Он почувствовал сильную боль в левой руке. Такимото развернулся. Из руки у Бунсичи торчал нож. Он закричал и вытащил его наружу.

Такимото ударил Бунсичи, пытающегося сбежать. Бунсичи словно бил боксёрскую грушу. Щека. Подбородок. Живот. Нос. Щека. Щека. Нос. А дальше удары ногами. Он уже не чувствовал левую руку.

Он дрался. Дрался, но точно так же, как и Сайто. У него не получилось никаких техник карате.

В бою все его мысли растворились. Вся та энергия, которую он собрал, чтобы бежать, теперь пошла в драку. Он стал бить больше, чем били его. Он чувствовал, как удары противника становятся реже и реже, и его силы тоже подходили к концу. Каждый раз, когда Бунсичи наносил удар, он чувствовал прилив сил. После первого он почувствовал электрический

разряд, пробежавший вверх по его спине. Потом ещё два, снова. Он никогда ещё такого не испытывал.

Это чувство зародилось где-то внутри него. Когда он увидел кровь, которая натекла под подбородком Сайто, что-то щёлкнуло в нём, какой-то переключатель. От него это чувство устремилось к его мышцам.

Когда к нему вернулось ясное сознание, Такимото уже лежал на боку рядом с Сайто как мешок с мусором. Тогда Бунсичи уже знал, какой дорогой отныне будет идти.

— И за что его зарезали отморозки? — сказал Рёдзи, шагая по улице вместе с молчаливым Бунсичи.

Тот не ответил. Он уже понял, что эти слова были лишними. Он слишком много говорил о прошлом. Скорее всего, это потому, что он увидел Кадзивару.

С тех пор, как умер Сайто, он проиграл только Кадзиваре.

Он дрался с противниками сильнее его. Неожиданным ударом он оставлял их валяться в грязи. Он вышел на бой с Соичиро, который сказал ему: «Говорят, ты любишь драться грязно». Бой с этим человеком оставил в нём неизгладимое впечатление.

Во-первых, нечеловечески сильный удар был у борца. А его сила на тянущие движения была даже больше, чем на толкательные. Когда они стояли друг напротив друга, и рука обвилась вокруг его шеи, ему показалось, что это стальная балка тянет его. Ещё у него была совсем не такая шея, какая бывает у боксёров или каратистов. Сила шеи зависит от того, как хорошо она сможет держать удар. Кроме того она становится точкой опоры во время борцовских приёмов.

И как же натренировать эту шею, чтобы она стала такой могучей? Каждому приходится научиться этому на собственном опыте. Рестлер начинает свой путь с силовых тренировок, учится держать удар и выдерживать броски на ринге. Дальше дело за приёмами. Бунсичи работал над своими ударами, подвижностью, над суставами. Естественно, бойцу нужно укреплять своё тело, то есть держать удары даже лучше, чем наносить их. Бунсичи натренировал себя для боёв, но не на том уровне, что и рестлеры.

У некоторых из них бывает по двести поединков в год, а рестлеры по ту сторону океана иногда проводят больше трёхсот шестидесяти пяти боёв в год, то есть иногда у них проходит по несколько боёв за день. И не важно, что бои бывают подставными, постановочными и показушными, с такой выносливостью невозможно не считаться. Больше ни в одном виде спорта не бывает таких физических нагрузок.

Даже в других единоборствах никто не проводит так много поединков. Бунсичи этого не понимал, но боёв становилось тем больше, чем больше рос на них коммерческий спрос. К тому же, рестлинг был изучен лучше любых других стилей боя.

Бунсичи думал о том, сколькими же мощными атаками они обменялись с Кадзиварой за каких-то пять минут¹ шесть лет тому назад. Все эти нападения, удары руками и ногами, неравный бой в партере пронеслись за какие-то пять минут. И что же решило исход поединка? Судя по всему, это были выносливость и скорость, с которой они восстанавливались после ударов. Соппротивление их мускулов ударам было решающим фактором.

Ещё год спустя Бунсичи, думая о теле Кадзивары, решил, что должен набрать массу. Тогда у него ещё было лишь сложение ударника. Чем крупнее мышцы бойца, тем больше ударов он может выдержать и тем больше сумеет их нанести. Но чем ты тяжелее, тем меньше становится и твоя скорость. Приходится задуматься, где же будет золотая середина.

У каждого она своя, и вообще стоит подбирать нужное сложение под каждого отдельного противника. С тех пор, как он проиграл Кадзиваре, Бунсичи упорно работал над укреплением собственного тела. Много времени он потратил на изучение борцовских приёмов. Чем больше он разбирался в борьбе, тем больше понимал, сколько ему ещё предстоит узнать. Даже для того, чтобы плечи и локти использовать в борьбе, была своя техника. Начинать нужно с запястий, дальше идут локти и плечи; и у этого простого принципа есть чёткое и логичное обоснование. Эти правила основаны на доскональном знании человеческой анатомии.

Борцовские приёмы, от которых можно перейти к другим приёмам или освободиться из захвата и провести ответный, тоже хорошо известны, и новые и новые приёмы создаются день ото дня. На эффективность приёма могут повлиять даже положение плеча, или если изогнулся палец. Даже на какие-то миллиметры. Приёмы, которые используют вес противника или «тянущие движения», выходят едва ли не на уровень прикладной науки.

Бунсичи думал про Кадзивару. Он был загадочным человеком. В бою его широкие добрые глаза моментально становились совсем другими. Этими узкими, змеиными щёлочками. Весь бой его губы были стиснуты в той зловещей усмешке. Он был таким с самого начала. Даже лёжа окровавленным на земле, он так и не переставал улыбаться.

Он постоянно проводил захваты за суставы, но так и не сломал ему ни одной кости. В этом не было для него смысла. Он был сильнее. Бунсичи поверить не мог, что это только начинающий рестлер. И что Кадзивара вернулся. На лице у Бунсичи было написано, что он вспомнил лицо Кадзивары. Много ли изменилось с тех пор? Наверняка изменился не только Бунсичи, но и Кадзивара.

Он не знал, куда он идёт. На улице было темно. Вдоль асфальтовой дороги тянулись ряды уличных фонарей. Их с Рёдзи вырвали из темноты огни проезжавшей мимо машины.

Бунсичи насупился и поднял плечи, не переставая идти. Кровь у него в жилах кипела, кипела сильно и даже не думала утихнуть. Он спрашивал себя, ненавидит ли он этого человека, и не мог найти ответа. Но когда он думал о нём, его кровь сама собой начинала бурлить.

Он решил, что в каком-то смысле этот человек ему даже нравится; но он должен был себя спросить: а хотел бы он стать на него похожим?

— Мужик, в чём дело? — спросил Рёдзи.

Бунсичи продолжал смотреть перед собой и идти.

— Надо идти, — пробормотал Бунсичи.

Он сказал это себе, не Рёдзи. То же самое он сказал, когда вышел из бара.

— Куда мы?

— Токио, — низким голосом сказал Бунсичи.

Он так и не сводил глаз с лежавшей перед ним тьмы. Она была непроглядной.

— Токио?

— Токио, — сказал Бунсичи

И не важно, какой длинный путь им предстоит, где-то в этой темноте — человек по имени Кадзивара.

Часть 3: Прошлое. Конец

Примечания

1. Возможно, Бунсичи забыл, сколько точно длился бой. Кавабэ объявил тринадцать минут.

<http://tl.rulate.ru/book/72790/2002759>